

КЛИНИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ

**ПЁТР
ГАННУШКИН**

**ТРУДЫ КЛИНИКИ
НА ДЕВИЧЬЕМ ПОЛЕ**

РАССКАЗЫ О МОИХ
ПАЦИЕНТАХ

Петр Борисович Ганнушкин
Труды клиники на
Девичьем поле. Рассказы
о моих пациентах
Серия «Клинические рассказы»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57333971

*П.Б. Ганнушкин. Труды клиники на Девичьем поле. Рассказы о моих
пациентах: Алгоритм; Москва; 2020
ISBN 978-5-907120-91-4*

Аннотация

В 1887-м году была открыта психиатрическая больница на Девичьем поле. Здесь в одно время работали лучшие отечественные психиатры: С. С. Корсаков, В. П. Сербский и пр. Спустя несколько лет клинику возглавил П. Б. Ганнушкин, который первым начал собирать и систематизировать истории своих пациентов. Грустные, трагические, а порой и смешные истории жизни и болезни пациентов клиники и составили основу этой книги.

Содержание

Сладострастие, жестокость и религия	5
Вступление	5
I	7
II	15
III	22
Заключение	31
Труды клиники на Девичьем поле	33
Предисловие	34
О навязчивых явлениях при шизофрении	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

П.Б. Ганнушкин
Труды клиники на
Девичьем поле. Рассказы
о моих пациентах

© ООО «Агентство Алгоритм», 2020

Сладострастие, жестокость и религия

Патологические явления есть не что иное, как преувеличенные физиологические явления.
Лобштейн

Болезнь может дать ключ к пониманию многих явлений из области морально-аффективной и интеллектуальной; она раскрывает их истинную природу.
Ж. Моро де Тур

Религия не препятствует ни пороку, ни преступлению; она иногда даже способствует тому и другому.
Корре

Вступление

Три чувства, совершенно различные на первый взгляд, — злоба, сексуальная любовь и религиозное чувство¹, — если

¹ Сначала мы должны сказать, что, трактуя его как религиозное чувство, мы не рассматриваем аффективную сторону этого сложного чувства, не затрагивая сторону интеллектуальную (Вундт связывает религиозное чувство с категорией интеллектуальных чувств).

опираться на множество фактов и соображений, находятся друг к другу в большой близости; тогда, когда возрастает их интенсивность и в особенности, когда злость трансформируется в жестокость, в свирепость, сексуальная любовь в сладострастие и религиозное чувство в фанатизм или в мистицизм, тогда эти три чувства совпадают или смешиваются без заметных границ.

Факты и соображения, которые мы позволяем себе изложить, распадаются на три группы: 1) мы должны доказать родство религиозного чувства и сексуальной любви; 2) сексуальной любви и злобы; 3) религиозного чувства и злобы. Таким образом, мы сможем доказать родство каждого из этих чувств с каждым другим и тем самым, очевидно, будет доказано родство всех этих чувств в их совокупности; тогда главная часть нашей проблемы была бы решена. Мы заранее согласимся, что для решения нашей проблемы мы не собрали еще достаточно фактов, но мы полагаем, что основное состоит не столько в количестве фактов, сколько в том, что они нам говорят.

I

В Риме, в церкви Сайта Мария делла Виттория, находится группа Лорецо Бернини, неаполитанца (1598–1680), в которой изображена святая Тереза, лежащая без сознания на мраморном облаке, и ангел, который готовится пронзить ее сердце стрелой мистической любви. «Нет необходимости разъяснять, – говорит по поводу этого сюжета Любке, – что религиозный экстаз в этом случае представлен характером чувственности не потому, что художник так хотел, но в силу естественного психологического состояния, которому обычно подвластна чрезмерная религиозность.

Если мы попытаемся найти происхождение этой атмосферы, насыщенной сладострастием, то мы должны будем признать, что ее зародыши отчетливо видны во всех последних работах Корреджо, где взгляды мадонн и святых имеют слишком земное выражение».

Таким образом, идея родства религиозного чувства и чувства сексуального² проникла также в искусство³,

² При попытке найти идентичную композицию в отношении этих двух чувств кое-что можно встретить в труде Неймана (*Lehrbuch der Psychiatric* – Учебник психиатрии, 1859), а также в труде Крафт-Эбинга (*Psychopathia sexualis*, 1893).

³ Мы не можем не привести выдержку из Золя, в которой в художественной манере представлена связь этих чувств: «Мюффа снова стал ревностно исполнять религиозные обязанности... Небо вырвало его из рук женщины, чтобы передать в руки господ бога. Граф находил в религиозном экстазе сладострастные

Если бы мы хотели исследовать, в какую эпоху эта идея начала реализоваться, мы должны были бы обратиться к той отдаленной древности, может быть, даже к тому времени, когда религиозное чувство только еще народилось у человека. «Глубокая древность, – говорит Моро де Тур⁴, – связывала с религиозной идеей признаки, которые теперь кажутся нам непристойными или смешными...

Вавилоне, в Финикии, в Армении и др. все женщины должны были принести любовную жертву на специальном алтаре⁵.

Такой обычай существует еще и в наши дни во многих провинциях Индостана, Цейлона, в Полинезии, в частности на Таити. Египтяне, греки, римляне имели множество праздников, где царил разнузданный разгул. В наши дни в Индии, где религиозные традиции сохранились во ей их чистоте, праздники, которые носят имя «праздники Сакти-Пудия,

ощущения, пережитые с Нана, те же мольбы и приступы отчаяния, то же самоуничтожение отверженного существа, на котором лежит проклятие его пола. В церкви, с онемевшими от холодных плит коленями, он снова переживал былые наслаждения, вызывавшие судорожную дрожь во всем теле, помрачавшие его разум, удовлетворяя смутные потребности, таившиеся в темных глубинах его существа» (Э. Золя, «Нана»).

⁴ Des aberrations du sens genesique, 1880. Соотв. ссылка в произведениях Жакколио (Jacolliot), Etudes indianistes; Монтеня (Montaigne), Essais, 111; смотреть Ломброзо и Фепперо (Lombroso et Ferrero), La femme criminelle et la prostituee и также Ploss, Das Weib.

⁵ Храмы богини Милитты имелись в Вавилоне, богини Анаитис – в Армении, богини Астары – в Финикии и богини Изис – в Египте.

или мистерии всеобщего оплодотворения», воспроизводят все, что можно вообразить, все противоестественные гнусности, окруженные всей помпой индусских церемоний».

В средние века существовала целая серия религиозных фанатических сект, в которых характерным образом сочетались религия и любовь. Так, николеты проповедовали отсутствие всякого стыда в сексуальных функциях и учили, что страсти, даже самые низкие и грубые, полезны и святы; адамысты учили, что стыдливость должна быть пожертвована богу; наконец, мы должны упомянуть еще об одной эротической секте, пикардистов, которые позже появились во Франции под именем «насмешников» («turlupins»)⁶ Можно проследить существование подобных сект до нашего времени. Так, Ева Батлер (XVII – XVIII столетия) основала в Гессене «секту религиозных филадельфийцев», которая проповедовала воссоединение духа и тела; в начале XIX столетия пасторы Эбель и Дистель основали в Кенигсберге секту «баб» («moukkers»), которую обвинили в том, что под маской религии она скрывала разврат; такова же природа секты «хлыстов», еще и ныне существующей в России, члены которой во время их религиозных церемоний, называемых «радения», впадают в экстаз, в котором они предаются необузданному разврату. Жизнь монастырей чрезвычайно богата примерами, когда не только усердно молятся, но когда при

⁶ См. Ломброзо и Ферреро, цит. соч.; оно реферировано в сочинении Дюфура (Dufour), L'histoire de la prostitution.

случае предаются самым экстравагантным оргиям, где религиозное мистическое единство полов приводит к соединению менее духовного порядка.

Не без оснований во многих странах до настоящего времени существует слух, будто тот или другой женский монастырь соединен подземным ходом с соседним мужским монастырем⁷. Жизнь святых⁸ не имеет недостатка в примерах, когда сексуальный инстинкт занимает господствующее положение. Так, фанатик Ловат, который себя распял в Венеции в 1805 г., отрезал половые органы и выбросил их в окно. Монашенка Агнесса Бланк-бекен была постоянно томима идеей узнать, что стало с частью тела Иисуса Христа, удаленной при обрезании. Святая Екатерина Генуэзская часто страдала таким внутренним жаром, что для того, чтобы немного успокоиться, она ложилась на землю и кричала: «Любви, любви, я больше не могу!»

Она была настолько сильно привязана к своему духовнику, что когда однажды приблизила свой нос к его руке, она испытала такой запах, который проник в ее сердце: «Божественный запах, – говорила она, – который может пробудить будить мертвых». Святая Армелль и святая Елизавета страдали от любовного огня. Наконец, хорошо известны

⁷ См. Ploss, *op. cit.*, где он ссылается на высказывания секретаря папы Урбана VII. Thierry de Niem, Barlette Maillard и др.

⁸ См. Friedreich. *Allgemeine Diagnostik der psychischen Krankheiten*, 1832, и другое его сочинение: *Systematisches Handbuch der gerichtlichen Psychologie*, 1835.

мучительные искушения сексуального характера, от которых страдали святые, как, например, святой Антоний Отшельник. Можно без труда привести большое число подобных примеров.

Врачи и особенно психиатры давно уже уделяют внимание близости религиозных и половых чувств; психиатры, больше чем кто-либо другой, смогли установить связь этих феноменов. Время более выраженного религиозного чувства есть время полового развития (Нейман, Крафт-Эбинг), когда новые и незнакомые сенсации требуют какой-то объективации (Крафт-Эбинг).

«Религиозный фанатизм, – говорит Модели⁹, – одетый в болезненную форму, часто сопутствует болезненному сладострастию, тогда как у некоторых женщин и особенно у незамужних и бездетных религиозная диспозиция бывает связана с болезнями матки». Связь между религиозной экзальтацией и сексуальным возбуждением была отмечена Фридрейхом, Мейнертом¹⁰, Марком, Режиc, Луазо, Бронардель, Ломброзо, Балль, Моро¹¹ и др. Религиозное помешательство (паранойя религиоза) очень часто связано с болезнями по-

⁹ Maudslei, Physiologic de l'esprit, 1871.

¹⁰ Мейнерт в своих клинических лекциях (Klinische Vorlesungen, 1890) предпринимает интересную попытку физиологического объяснения одновременно болезненных состояний сексуального и религиозного характера у эпилептиков, объяснения, с которым, однако, нельзя полностью согласиться.

¹¹ Несомненно, что мы не назвали и половины психиатров, которые свидетельствуют об этой связи.

ловых органов и в клинической картине этого помешательства галлюцинации сексуального характера, мастурбация и всякого рода сексуальные эксцессы занимают настолько заметное и постоянное место, что на это можно найти указания в каждом элементарном руководстве во психиатрии. Фридрейх¹² приводит случай религиозной меланхолии; этот больной до начала заболевания и в течение его страдал очень частыми поллюциями; когда поллюции прекратились, закончилась и психическая болезнь. Икар¹³ приводит серию наблюдений религиозного помешательства, которое совпадало или со временем полового созревания, или с началом месячных, или с их временной задержкой, или с менопаузой.

Два следующих наблюдения очень показательны для случаев, которые нас интересуют.

«I. Религиозный энтузиазм, галлюцинации, желание уйти в монастырь и другие психические нарушения возникают периодически у особы, менструации у которой возникли в 18 лет и вначале были скудными, а годом позже полностью прекратились. Продолжительное лечение болезни матки сразу же привело к возобновлению регул и вернуло прежнее здоровье»,

«II. Девушка двадцати лет после полной задержки месяч-

¹² См. Friedreich. Allgemeine Diagnostik der psychischen Krankheiten, 1832, и другое его сочинение: Systematisches Handbuch der gerichtlichen Psychologie, 1835.

¹³ Jeard. La femme pendant la periode menstruelle, 1890.

ных впала в религиозную экзальтацию и стала очень возбужденной. При соответствующем лечении месячные вернулись и постепенно наступило выздоровление».

«Связь между религиозным помешательством и половыми органами, — говорит Фридрих, — настолько очевидна, что даже те вещества, которые влияют на половые органы, могут провоцировать психическое заболевание, как, например, дурман. Соваж сообщает о нескольких интересных наблюдениях, которые возникли при употреблении этого растения и которые проявились главным образом в форме религиозно-мистического помешательства». Задержимся в области психиатрии еще на двух примерах, которые, в силу их рельефности, едва ли имеют им равные. В первую очередь это молитва одной истерички, о которой сообщает также Фридрих. Эта молитва адресована святому Эммануилу: «О! Если бы я тебя нашла, божественный Эммануил, если бы ты был распростерт на моей кровати, мое тело и моя душа возрадовались бы; приди, и чтобы мое сердце послужило бы тебе убежищем, возложи свою голову на мою грудь» и т. д. Другое наблюдение, еще более интересное, сообщено Мором де Туром в его известном сочинении *La psychologic morbide*. Он цитирует письма больной М. Х., которая пишет о любви божественной, которая пронизывает и воспаляет все части ее тела и ее душу. «...Однажды ночью, проснувшись, я почувствовала как бы оборвавшееся наслаждение, мои руки, как бы сами по себе скрестились на моей груди и я в страхе

ожидала, что скажет Господь. Я его увидела очень отчетливо таким, каким он описан в Песне песней, но полностью обнаженным. Он простерся около меня, его ноги были на моих, его руки скрестились с моими, разорвав свой терновый венок, он прижал мою голову к своей; затем, в то время, когда я почувствовала боли от его гвоздей и терновых игл, его губы коснулись моих и мне был дан божественный поцелуй, поцелуй божественного супруга, ондохнул мне в рот дивным дыханием, которое влило во все мое существо освежающую бодрость, радостное несравнимое содрогание».

Мы не должны удивляться баронессе Крюденер, которая то восклицала: «Любовь, это я», то «Небо, это я».

Не должны удивляться и больной Мореля, на которую ссылается М. Ритти (*La folie a double forme*), которая была по очереди то религиозной, то проституткой; связь между рассмотренными феноменами настолько постоянна, что, по мнению Балля¹⁴, «можно было бы думать, что основа обоих феноменов – одни и те же клетки».

¹⁴ *Lessons sur les maladies mentales, 1880-1883*

II

Если идея о наличии родства между религиозным и сексуальным чувствами сравнительно меньше проникла в искусство, если эта идея сравнительно меньше обработана поэтами и художниками, то совершенно иначе обстоит с вопросом об интимности сексуального чувства и жестокости. Если живопись, скульптура и поэзия, современные роман и драма часто обращаются к этому вопросу, если они широко затрагивают эти мотивы, то о них бессмысленно говорить в небольшой статье, поскольку имеется достаточно материала для целой книги. Сама история дала нам слишком поразительные примеры близости между жестокостью и сладострастием для того, чтобы можно было бы рассмотреть их детально¹⁵.

Мы удовольствуемся материалом, который нам доставляет криминальная психопатология и антропология. Можно считать установленным, что у очень большой части людей зло, которое они причиняют другим¹⁶, вызывает у них чув-

¹⁵ В работе Кальмейля (Calmeil) «О помешательствах» (De la folie, I), I, 1845, можно найти примеры психических эпидемий, где встречается эта близость. В истории у людей, достигших вершины власти, мы находим множество примеров жестокости, соединенной со сладострастием (Сулла, Август, Калигула, Нерон, Вителлий, Домициан, Генрих VIII; и женщины: Агриппина, Фульвия, Мессалина, Елизавета Английская); другие менее показательные известности – Жиль де Ре, граф де Шаролэ и др.

¹⁶ Сразу же мы встречаем противоречие. Действиями, которые зачастую про-

ство сладострастия; с другой стороны, не нужно рассматривать как психически больных или дегенератов всех тех, у кого сексуальные функции сопровождаются актами жестокости. Эти два основных положения позволяют нам констатировать непрерывность между нормальными сексуальными функциями и фактами из сексуальной жизни¹⁷, которые известны в специальной литературе под именем садизма, активной алголагии, лягненомании, эротического тиранизма

воцируются чувством сладострастия, бывают не только действия, причиняющие зло другим, но и такие, когда страдают от зла, причиняемого другими. Но это противоречие кажущееся: принято думать, что чувство, которое сопровождает действия, причиняющие вред другим, иное в сравнении с чувством, сопровождающим действия лица, страдающего от вреда, причиняемого другими, что эти чувства далеки одно от другого; на самом, же деле, напротив, эти два чувства должны быть много ближе друг к другу, чем обычно думают. В противном случае будет трудно объяснить наблюдения, где отмечается у одного и того же садизм и мазохизм. Подобные случаи приводятся в вышеназванной монографии Крафт-Эбинга. По этому поводу нужно заметить, что имеется целая серия психически больных, у которых действия, причиняющие зло другим, жестокость по отношению к другим и по отношению к самому себе (в экстраординарных случаях – импульсы к убийству и к самоубийству) идут рука об руку; так бывает при меланхолии и при демономаническом бреде. Наконец, существует целая серия сект, где бичевание по отношению к самому себе и по отношению к другим всегда идут вместе.

¹⁷ Садизм наблюдается также и у животных (см. Ломброзо). Верблюд в период течки бывает очень злобен и всех кусает, даже самок. В Гамбургском зоологическом саду самец кенгуру убил самку и детенышей во время вспышки полового возбуждения. Кенар часто в подобных случаях разрушает собственное гнездо и разбивает яйца, он убивает самку и для его укрощения нужно ему дать двух. В некоторых породах пауков самка, которая более крупна, чем самец, втягивает в паутину самца и убивает его после спаривания.

и т. д.

Сексуальное чувство, половой акт могут сочетаться с жестокостью тремя способами: 1) жестокость следует за копуляцией; последняя не дает удовлетворения и субъект заканчивает серией зверств над своей жертвой; 2) жестокость предшествует копуляции; в этом случае жестокость восстанавливает потенцию, уже ослабленную или исчезнувшую; 3) копуляция не имеет места и она замещается жестокостью; это садизм в собственном смысле слова, где жестокость является эквивалентом половой любви. Меньшую часть составляют случаи, где половое возбуждение вызывается не путем совершения поступков, приносящих вред другим¹⁸, но только при созерцании подобных сцен жестокости и даже только при представлении подобных сцен.

В плоскости нашей проблемы эти последние случаи особенно поучительны; все же мы не цитируем их более пространно; их легко можно найти в классической монографии Крафт-Эбинга (*Psychopathia sexualis*, 1893); и в сочинении Эйленбурга (*Sexuale neuropathic*, 1896); мы не можем все же не остановиться на одном очень интересном случае Шульца (*Wiener medic. Wocheoschrift*, 1896, № 49)¹⁹, где мужчина 28 лет мог иметь сексуальные отношения с женой только лишь

¹⁸ Молль (Moll, *Die contrare Sexualempfindung*, 1891). Имеется исключительно интересное наблюдение, где жестокость (специальное нанесение ранений) сопровождалась патологическими (гомосексуальными) половыми сношениями.

¹⁹ Цит. по Крафт-Эбишу, 1893.

искусственно приводя себя в состояние ярости.

Если бы мы хотели найти в анализированных фактах общие черты, то нам это удалось бы как в сущности этих двух эмоций, так и в их внешнем проявлении. Любовь и злоба представляют две большие страсти, которые приводят психомоторную сферу в состояние высшей степени напряжения. Во внешних проявлениях этих двух эмоций можно найти также много похожего, общего. Многие люди, в сущности здоровые, только несколько более пылкие и горячие, достигая кульминационной точки полового наслаждения, начинают кусать и царапать.

«Неограниченные возможности мужчины по отношению к женщине, которая ему отдается; сходство акта половой любви и акта кровавой жестокости, сходство, обусловленное борьбой за первый поцелуй, борьбой за осквернение женщины кровью через разрушение ее эпидермиса, ее растление, сходство, обусловленное истинным или притворным сопротивлением женщины, наконец, переживанием победы, триумфа, унаследованным, может быть, с того времени, когда нападение и борьба предшествовали обладанию женщиной; все это, – говорит Курелла²⁰, – обуславливает некоторое родство между сладострастием и жестокостью, давно известное».

Период полового созревания, время появления первых менструаций у девочек есть не только пора более интенсив-

²⁰ Naturgeschichte des Verbrechers, 1893.

ного религиозного чувства, о чем мы уже говорили в первой части нашей работы, но в этот период у девочек возникает также склонность к безмотивному убийству. По Дриллю²¹, это было известно уже со времен Гиппократата, склонность к убийству наблюдается также иногда в течение болезни половых органов у женщин (Азам). Дагоне²² наблюдал больную, у которой во время каждой менструаций возникали импульсы к зверским убийствам; под влиянием этого предрасположения она убила трех своих детей. Икар собрал более двадцати случаев убийств, совершенных женщинами в период менструаций, убийств, совершенно непонятных и бесцельных: одна бонна убила двухлетнего ребенка, который находился под ее надзором; жена убила своего мужа, которого когда-то очень любила; мать убила своих детей; иногда женщина убивает первого встречного, словно она не может удержаться от убийства. О нескольких таких случаях сообщает Ковалевский²³. Наконец, у Ломброзо и Ферреро²⁴ есть указания, что некоторые преступницы совершали убийство в период менструаций.

Остановимся еще на некоторых соображениях физиоло-

²¹ Les criminels mineurs. 1, 1844. Он цитируется здесь по сочинениям: Semelaigne, Etudes historiques sur l'alienation mentale dand l'antiquité и Azam, De la folie sympathique.

²² Traite des maladies mentales, 1894.

²³ L'état menstruel et les psychoses menstruelles. Archives XXIII, 1, 1894. Это случаи Крафт-Эббинга, Вестфала, Тюка, Гиро и Балля.

²⁴ Op. cit. Достоверность этих указаний сомнительна.

гического характера, которые также говорят в пользу наличия связи между сладострастием и жестокостью. В «Физиологии» Рудольфа можно найти интересные наблюдения, свидетельствующие о том, что у кастратов, стариков и пораженных спинной сухоткой чувство свирепости и жестокости исчезает²⁵. Этому соответствует и тот общеизвестный факт, что быки, бывшие яростными и злыми, становятся после кастрации послушными и даже добрыми.

Сошлемся еще на один факт, много раз отмеченный, что раннее появление сексуального инстинкта, ранняя и непрерывная мастурбация часто идут вместе с очень резко выраженной склонностью к злым выходкам и к экстраординарной свирепости. Ломброзо²⁶ заимствовал у Эскироля «один очень курьезный случай, в котором наряду с непристойными наклонностями наблюдалась отчасти ими же вызванная навязчивая идея убийства родителя. Субъект обладал ясным зрелым умом и был в то же время примером морального помешательства и криминальности».

Подобный случай описали Морро и Ломброзо (Archivio di psych, scienz. penal, II, 1883), когда у трехлетнего ребенка имела наряду с мастурбацией выраженная склонность делать гадости. Несколько случаев того же рода имеются у Маньяна (De l'enfance des criminels), так же как и у Шнепфа (Des aberrations du sentiment); особенно интересен случай Шар-

²⁵ Цит. по Blumroder, Ueber das Irresein, 1836.

²⁶ L'homme criminel, 1, 1895.

ко и Маньяна (*Inversion du sens genital*, Arch, de Neurologic, 1882): мальчик шести лет предавался мастурбации и при этом в своем воображении он подвергал девочку всевозможным мучениям; он «ей вбивал в стопы гвозди, как это делают при подковывании лошадей, или он ей отрезал ноги».

Мы закончим эту часть нашего сочинения словами м-м де Ламбер²⁷ (*Oeuvres morales*, 1883): «В любви всегда есть некий род жестокости; удовольствия любовника получаются не иначе как через боль любимой. Любовь питается слезами».

²⁷ Цит. по Fere: *Le sadisme aux courses de taureaux* Revue de medicine, 1900.

III

В необходимости установить родство между жестокостью и религиозным чувством мы утверждаемся по следующему соображению: два чувства, каждое из которых находится в родстве с третьим, должны быть родственны между собой. Если мы смогли доказать связь между чувством религиозным и сексуальным (I), если далее нами доказана связь между жестокостью и сексуальным чувством (II), тогда мы, по видимому, тем самым почти доказали связь между жестокостью и религиозным чувством (III). Тем не менее мы не имеем намерения удовлетвориться такой формальной аргументацией. Мы предпочитаем обратиться к словам другим.

«Что удивительно, – пишет Корре²⁸, – так это частота альянса религиозности и низших инстинктов. Религия не препятствует ни пороку, ни преступлению; она иной раз даже дает предлог к тому и другому. Итальянские бандиты в своих экспедициях не забывают Мадонну подобно тому, как некогда флибустьеры большую часть их добычи прятали в церквах; испанские проститутки отдают свою постель под покровительство Девы; грешницы высшего света с полным равнодушием идут от исповедальни к ложу своих любовников.

Набожность, рожденная безотчетным страхом перед темными силами, которые человек назвал божественными и ко-

²⁸ Les criminels, 1889.

торым по интуиции его собственной природы он всегда приписывал больше жестокости, чем милосердия, развивается вместе с пониманием своего ничтожества в мире, почти неизвестном, она возникает как потребность в протекции у незащитного существа. До всякой цивилизации человек для достижения блага или только жалости Господа незримого и его спутников (духов), материализованных в самых устрашающих элементах или воплощенных в самых опасных зверях, прибегал к смиренной мольбе и спонтанным приношениям.

Основанная на страхе и на интересе, только путем очень не прямых действий религия проникла в цивилизацию. Это некое бессилие, которое парадоксальным образом служило иной раз рождению силы, как война, будучи отвратительной вещью, может послужить иногда исправлению зла: то и другое имеет облик чувств самых великолепных наряду с самыми худшими.

Итак, вполне естественно, что церебральное свойство, на котором покоится религиозность, встречается и у некоторых наиболее закаленных личностей как показатель недостаточности, не угашенной социальным прогрессом. Встречается эта церебральная особенность и у индивидуумов, недостаточно уравновешенных, как проявление чувств, не регулируемых интеллектом. Религия и предрассудки (что для нас едино) мирятся с антиальтруизмом».

Если «добрый Самуил распилил заключенных между дву-

мя досками»²⁹, если сыновья Аллаха, Саваофа и др. с большой выгодой заменили человеческое жертвоприношение массовыми убийствами язычников и в свою очередь – мусульмане – убийствами христиан; если ортодоксия и ересь, инквизиция и королевская власть покрыли кровью руины Европы, Америки и всего мира; «если святая рутина боролась против науки железом, огнем, застенками и отлучением от церкви, то это делалось в честь Отца всевышнего, во славу божью, его викариями и его привилегированными представителями. То хорошо, что приказано Господом; то плохо, что Богом отвергнуто: убийство, вероломство, если они предписаны, становятся высшей заслугой».

Просим прощения за столь длинные цитаты и возвращаемся к фактам. На 200 убийц-итальянцев Ферри не нашел ни одного нерелигиозного человека. В Неаполе, по сравнению со всеми другими городами Европы, установлено наибольшее число преступлений против личности; на 100000 жителей имеется 16 убийц, тогда как в остальной Италии не больше 8. В то же время Неаполь – наиболее религиозный город в Европе. «Нигде, – сказал Гарофало, – не имеется такого несметного количества религиозных процессий, как в Неаполе; нигде все предписания церкви не исполняются с таким

²⁹ Lefevre. La religion, 1892. В истории религий имеется много такого, что может представить для нас интерес; к сожалению, мы не можем позволить себе этими сведениями занять эту часть нашей работы.

рвением, как там»³⁰.

Жоли³¹ пишет о Нормандии, где уважение ритуальной религиозности очень распространено, что там в то же время очень высока преступность; он приводит даже поговорку, имеющую хождение среди жителей Лозера: «у лозерьянца четки в одной руке и нож в другой».

Остановимся на некоторых отдельных фактах, заимствованных из сочинения Ломброзо «Преступный человек». Верцени, который задушил трех жен, выделялся среди самых усердных прихожан и исповедующихся; он происходил из семьи не только религиозной, но и ханжеской. Убийцы Бертольди, отец и сын, ежедневно присутствовали на мессе, стоя на коленях, преклонившись до земли. Богжия, приговоренный в Милане за 34 убийства, выстаивал мессу каждый день; он носил балдахин во время всех процессий святых таинств; он не пропускал ни одной церковной церемонии; он непрерывно проповедовал христианскую мораль и религию и стремился быть во всех религиозных объединениях. Марк... юный неаполитанец, убивший своего отца, был нагружен амулетами. Авелина в письме к своему сообщнику заметила, что своего мужа она отравила под божьим покровительством. Цамбеккари обещала принести в дар церкви Нотр-Дам де Лоретт чашу в том случае, если ей удаст-

³⁰ Цит. по Havelock Ellis, *Verbrecher und Verbrechen*, Deutsche Ausgabe von Kurella, 1894.

³¹ Цит. по Lombroso. *Le crime, causes et remedes*, 1899.

ся отравить своего мужа. Мишеллин, одобряя план одного убийства, сказал своим сообщникам: «Я приду и сделаю то, на что вдохновляет Бог».

Лаколланж, душивший всех своих несчастных любовниц, которым он давал отпущение грехов в момент смерти, затем, выполняя их волю, совершал мессу.

Бурз, тотчас после совершения кражи или убийства, спешил преклонить колени в церкви. Мазини со своей бандой встретил однажды священника с тремя его соотечественниками; он медленно перепилил горло зазубренным клинком одному из них; затем рукой, еще испачканной кровью, он заставил священника дать ему причастие.

Если, как мы пытались показать, преступные и жестокие люди очень часто оказываются очень религиозными, то, с другой стороны, люди религиозные и тем более фанатичные, оказываются очень часто людьми жестокими.

Можно привести целую серию ужасающих убийств в жизни пиетистов Западной Европы³², убийств, совершенных в религиозном экстазе.

Мы не говорим о преступлениях, совершенных психически больными под влиянием религиозной мономании³³. Мы

³² Подобные случаи можно найти у Левенстима: Фанатизм и преступление. С.-Петербург, 1898. Левенстим использовал следующие сочинения: Dr. Salat. Versuche über Supernaturalismus und Mysticismus, 1823; Meyer, Schwarmerische Grauenszenen oder Kreuzigungsgeschichte einer religiösen Schwarmerin in Wildenspruch, 1824.

³³ Случай убийств, совершенных больными с религиозным бредом, можно най-

сошлемся на авторитетное мнение Марга, так же как и на Мореля. «Примеры чудовищных преступлений, – говорит Марк³⁴, – являющиеся следствием религиозной мономании, к сожалению, не столь редко чернят страницы истории человечества. Убийство, самоубийство, прелюбодеяние, сожжение, самая ужасная жестокость, самые вредоносные аффекты, часто не имеют иного источника». Морель пишет³⁵: «Науке известны частые случаи убийств, осуществляемых помешанными под влиянием бредовой религиозной идеи».

Очень показательны в плане интересующей нас проблемы сексуальные преступления, совершаемые вследствие мистического бреда³⁶; при этом у одного и того же лица, в одно и то же время можно констатировать жестокость, сексуальную развращенность и набожность; мы не расположены описывать все возможные такого рода случаи.

По этому поводу мы должны коснуться еще одного обстоятельства из области психиатрии: мы имеем в виду дегенерацию характера у эпилептиков.

У большинства этих больных можно наблюдать чрезвычайно интересное сочетание лицемерия и жестокости – эти люди говорят постоянно о Боге, постоянно ходят в церковь и

ти у Балля, Мореля и др. См. также Despine Psychologic naturelle, II, 1868.

³⁴ De la folie consideree dans ses rapports avec les questions medicojudiciaires, 1845.

³⁵ Traite theorique et pratique des maladies mentales, 1853.

³⁶ Крафт-Эбинг (Krafft-Ebing). Sexuelle Delicte bei religioser Paranoia.

обнаруживают в то же время крайнюю жестокость по отношению к их близким.

История сект всех времен и народов дает массу примеров по интересующему нас вопросу. Мы скажем только об одной секте, о русской секте «хлыстов». Мы используем при этом сочинение Левенстима «Фанатизм и преступление». «Хлысты» собираются на их религиозные церемонии, называемые радения. Когда они собираются на эти «радения», они слушают своих пророков; но для того чтобы пророчествовать, необходимы моления и «радение».

Это «радение» должно умертвить плоть, привести человека в некий нервный экстаз, во время которого он может отрешиться от мира и пророчествовать. Этот экстаз возрастает и овладевает всеми присутствующими лицами, он возникает как продолжение танца, во время которого они бьют друг друга и женщины обнажаются... Во время этих церемоний нервное возбуждение достигает высшей ступени и люди впадают в экстаз, во время которого они в состоянии не только отдаваться самому грубому разврату, но и совершать опаснейшие деяния. Мы опишем более подробно один случай, ставший причиной уголовного процесса, случай, в котором объединились все три изучаемых феномена.

Прасковья К., С., Х., принадлежащие к секте «хлыстов», 13-го июня 1869 г. прибыли на «радение» к их руководителю К. и оттуда они поехали на повозке, на которой кроме трех упомянутых лиц находились дочь крестьянина К. и кре-

стьянин К. Прасковья К. называла себя все время или святой Девой Марией, или Варварой Великомученицей; другие полностью ей подчинялись, хотя С. называл себя Иисусом Христом. Прибыв к озеру, Прасковья приказала бросить девочку К. в воду; это распоряжение было немедленно исполнено, несмотря на сопротивление бедной девочки. Затем та же Прасковья приказала сечь крестьянина К. С., выполняя волю Прасковьи, начал наносить удары хлыстом; но К. не мог больше терпеть, он убежал от своих тиранов и спрятался в канаве, откуда наблюдал, что делают другие. С. и две женщины, раздевшись догола, начали танцевать, целуя и избивая друг друга. Затем С. и Прасковья принялись бить Х. Конец был таков, что они потащили его к повозке, привязали к колесу и два раза проехали по нему. С. впал в такой экстаз, что лег под ноги лошадей, которые прошли по нему. Прасковья подняла его полуживого и всего окровавленного и они поехали галопом.

Трудно найти более красноречивый пример.

Эту часть нашего очерка мы закончим двумя примерами из истории.

Первый относится к Людовику XI. Его жестокость вошла в пословицу и в то же время он был необычайно набожен, он проводил свое время или бормоча молитвы, или осматривая железные клетки, где содержались жертвы его жестокости. Второй пример – Иван IV Грозный. Мы приведем сло-

ва Ковалевского³⁷: «Жизнь царя проходила между алтарем и камерой пыток, в обществе духовных лиц и исполнителей его бесчеловечных и жестоких приказаний. Часто он бывал и настоятелем монастыря и палачом, в одно и то же время. Он просыпался в полночь и его день начинался молитвой. Часто, присутствуя на обедне, он давал распоряжения самые свирепые я самые жестокие. После обеда царь вел набожные беседы со своими фаворитами или шел в камеру пыток, чтобы пытать одну из своих жертв».

К сказанному необходимо добавить, что смесь аскетизма, суровой набожности и свирепости дополнялась у Ивана необузданной, крайне аморальной сексуальностью. Вновь обнаруживается сочетание мистицизма, сладострастия и жестокости.

³⁷ Иван Грозный, 1893.

Заключение

Из всей литературы, которую мы изучили, только у Фере, у Крафт-Эбинга и еще у некоторых других авторов мы нашли указания на связь трех чувств. Имеется много высказываний относительно связи религиозного и сексуального чувств; еще более, может быть, о связи жестокости и сладострастия; относительно меньше по поводу связи религиозного чувства и жестокости и еще меньше относительно связи всех этих трех чувств. Насколько же более поучительным должен представляться факт, заключающийся в том, что идея родства этих трех страстей была высказана вполне определенно более ста лет тому назад злополучным философом-мистиком Фридрихом фон Гарденбергом, названным Новалис³⁸, мы приводим буквально его слова, значение которых должным образом не оценено до сих пор: «Удивительно, что внимательные люди давно уже заметили интимную родственную связь и общие тенденции сладострастия, религии и жестокости». «Довольно странно, – говорил он, – что давнишние ассоциации сладострастия, религии и жестокости не привлекли внимания людей к их интимному сродству и общности тенденций». Каковы бы ни были последствия, вытекающие из наших данных, они могут показаться многим недостаточно обоснованными и некоторые найдут их даже

³⁸ Novalis. Schriften, herausgegeben von Ludwig Tieck und Fr. Schlegel. II. 1826.

абсурдными. Мы не остановимся перед этим препятствием. Мы считаем возможным сделать следующее заключение.

Во-первых, религия, жестокость и сладострастие – ее ближайшие родственники. Одно из этих чувств возрастает рука об руку с другими, одно замещает другое. Во-вторых, из трех исследованных чувств наиболее сильным является сексуальное чувство; религиозное чувство и жестокость в некоторых случаях могут быть рассматриваемы как заменители все сильного сексуального инстинкта. Юристы, учителя и моралисты не должны это забывать. В-третьих, объединение этих различных чувств в одну группу может иметь значение для естественной физиологической классификации чувств, классификации, которая станет возможной в будущем.

Труды клиники на Девичьем поле

Под редакцией П. Б. Ганнушкина

Предисловие

П. Б. Ганнушкин

В настоящее время – когда специальных журналов очень немного, да и те по недостатку места не располагают возможностью своевременно печатать предлагаемый им материал – отдельным учреждениям приходится делать усилия, чтобы самим опубликовать свои работы. Психиатрические учреждения имеют на это особенное право, ибо целый ряд крайне важных и современных вопросов клинической психиатрии требует для своего решения большого и систематически подобранного клинического материала, что делает содержащие подобный материал статьи слишком громоздкими для журналов. Для клинической психиатрии еще не миновало время собирания и публикации хотя бы и сырого, но тщательно выбранного материала. Некоторые из печатаемых в сборнике работ заключают именно клинический материал, к сожалению, появляющийся со значительным опозданием.

Говорить – в связи с печатанием нашего сборника – об общем направлении нашей клинической работы считаю излишним и, пожалуй, несвоевременным. Наша клиника при-

держивается взглядов Крепелина³⁹; в качестве оговорки прибавлю: постольку, поскольку Крепелин является не только клиницистом-психологом, но и клиницистом-биологом. Новые клинико-психологические данные (Ясперс⁴⁰, Бирнбаум⁴¹, Кречмер⁴²) не противоречат, а лишь расширяют доктрину Крепелина, но наряду с этим при оценке клинической казуистики должны быть приняты во внимание все новые биологические достижения (новейшая патологическая анатомия, генеалогия, конституциональная патология, эндокринология, биохимия); наконец, и социальный фактор (проблема ситуации в широком смысле слова) должен занять надлежащее место в психиатрической клинике. Считаю неуместным говорить здесь о направлении и заданиях клиники, тем более, что печатаемым в сборнике материалом, конечно, не исчерпывается работа учреждения; ряд работ по

³⁹ Эмиль Вильгельм Магнус Георг Крепелин (1856–1926) – немецкий психиатр. Известен как основоположник современной нозологической концепции в психиатрии и классификации психических заболеваний. Создатель учения о «*dementia praecox*» – историческом прообразе шизофрении; близкой к современной концепции маниакально-депрессивного психоза и паранойи. Внес существенный вклад в исследования врожденного слабоумия и истерии. Предложил учение о регистрах психопатологических синдромов.

⁴⁰ Карл Теодор Ясперс (1883–1969) – немецкий философ, психолог и психиатр, один из основных представителей экзистенциализма.

⁴¹ Карл Бирнбаум (1878–1950) – немецкий и американский психиатр и невролог.

⁴² Эрнст Кречмер (1888–1964) – немецкий психиатр и психолог, создатель типологии типов строения тела и их связи с психическими болезнями, а также типов темпераментов.

принципиальным вопросам психиатрии (психогении, психопатические конституции и др.) был напечатан в других журналах и изданиях (русских и иностранных), поскольку эти последние были в состоянии их напечатать.

П. Ганцушкин

17. VIII. 24

О навязчивых явлениях при шизофрении

Д. С. Озерецковский

Большой и сложный вопрос о навязчивых явлениях, несмотря на целый ряд блестящих исследований как старых, так и новых авторов, еще очень и очень далек от окончательного своего разрешения. Отдельные авторы единодушны, пожалуй, только в определении самого понятия навязчивых явлений и, наоборот, далеко расходятся во взглядах на их происхождение. До сих пор остаются невыясненными те механизмы, которые вызывают к жизни навязчивые явления, равно как неясным является и то, следует ли говорить только об одном способе их возникновения или же необходимо допустить возможность существования нескольких различных; неясно также, являются ли, например, навязчивые представления при шизофрении феноменами того же самого порядка, что и навязчивые представления у психастеников, или же они, обладая только внешним сходством со вторыми, оказываются при внимательном рассмотрении принадлежащими к совсем другой группе психопатологических явлений. Для того, чтобы выйти по-

степенно из всех тех тупиков, в которые приводит нас изучение навязчивых явлений, необходимо, думается нам, с самого начала встать на путь клинической разработки вопроса, изучать навязчивые явления в тесной связи с той почвой, на которой они произрастают.

Предлагаемая вниманию читателя работа является продуктом почти двухлетнего клинического изучения навязчивых явлений, наблюдавшихся у несомненных шизофреников в той или иной стадии болезненного процесса. Мы подвергнем в ней критическому рассмотрению только тот клинический материал, в котором шизофрения вызвала к жизни не отмечавшиеся раньше навязчивые явления, и совершенно не будем касаться тех случаев, в которых шизофренический процесс присоединился к существовавшей уже раньше психастении; интересующихся же этим последним вопросом мы отсылаем к опубликованным в недавнее время работам Пильца⁴³ и Легевье⁴⁴.

Думается, что будет нелишним предпослать описанию и разбору наших случаев хотя бы краткий очерк истории развития вопроса о навязчивых явлениях при шизофрении. Еще в 1890 г. Сербский⁴⁵ указывал на то, что многие дви-

⁴³ Pilcz. Zwangsvorstellungen und Psychose. Jahrb. f. Psych. und Neurol. 41. 1922.

⁴⁴ Legewie, B. Ein Beitrag zur Frage der Zwangsneurose und Psychose. Ztschr. f. d. ges. Neur. u. Psych. Bd. 86. 1923.

⁴⁵ Сербский. Формы психического расстройства, описываемые под именем кататонии. Дисс. 1890.

жения кататоников, описываемые под названием навязчивых, являются на самом деле стереотипиями, а потому совершенно неправильно рассматриваются в рубрике навязчивых явлений; он отмечал, что стереотипии, в отличие от настоящих навязчивых движений, вряд ли признаются больными как нечто чуждое их сознанию. Далее, в 1902 г. проф. Ганнушкин и Суханов⁴⁶ описали в совместной работе 5 случаев ясно выраженного симптомокомплекса навязчивых идей, где дело раньше или позже кончалось типичным для шизофрении слабоумием; авторы тогда же высказали ту мысль, что клиническое изучение подобных случаев может вскрыть некоторые особенности в течении и проявлении симптомокомплекса навязчивых идей, а это, в свою очередь, даст правильную точку опоры для распознавания основной болезни. Несколько раньше Christian⁴⁷ в своей статье «*Demence precocе chez les jeunes gens*» указывал на то, что в пеструю клиническую картину раннего слабоумия могут входить и навязчивые мысли. Впервые в 1905 г. Суханов⁴⁸ в своем руководстве душевных болезней подробно остановился на дифференциальной диагностике между *Psychosis Ideo-obsessiva* и *Dementia Praecox* с синдромом навязчивых идей.

⁴⁶ Ганнушкин П. В. и Суханов С. А. К учению о навязчивых идеях. «Корсаковский Журнал», книга 3, 1902

⁴⁷ Ганнушкин П. Б. Психастенический характер. «Современная Психиатрия», декабрь 1907.

⁴⁸ Christian. *Demence precocе chez les jeunes gens*. Цит. по статье Ганнушкина и Суханова.

Он отметил, что главный диагностический признак при разграничении этих двух заболеваний заключается в наличии проявлений психического распада, что всегда в большей или меньшей степени имеет свое место при *dementia praecox*, в то время как при *Psychosis Ideo-obsessiva* личность, как правило, остается все время вполне сохранной. Интересно отметить здесь, что новые авторы, говоря о дифференциальной диагностике между шизофренией и неврозом навязчивости, не прибавляют решительно ничего нового к тому, что уже на много лет раньше было отмечено Сухановым. В 1911 г. Блейлер⁴⁹ в своей монографии о шизофрении уделил довольно много внимания проявлениям навязчивости, отметив, что большая часть неблагоприятно протекающих форм навязчивых состояний, несомненно, относится к шизофрении. В том же 1911 г. Констанция Паскаль⁵⁰, издавшая небольшую монографию о *Dementia Praecox*, выделила из числа продромальных картин раннего слабоумия особую форму – психастеническую, к явлениям которой лишь впоследствии присоединяются характерные признаки основной болезни, затушевывая первоначальные навязчивые симптомы. Наконец, за последние 15 лет появился целый ряд литературных сообщений, в которых различные авторы приво-

⁴⁹ Суханов С. А. Семиотика и диагностика душевных болезней. Чч. II и III. 1905.

⁵⁰ Bleuler, B. *Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien*. Aschaffenburgs Handbuch. 1911.

дили свои наблюдения над шизофрениками, обнаружившими в начальных стадиях болезненного процесса те или иные навязчивые состояния. Здесь можно сослаться хотя бы на работы Hasche-Klunder'a⁵¹, Шварца⁵² и Юриштейна⁵³, доказавших для шизофреников возможность таких навязчивых симптомов, по отношению к которым имеется полное сознание их нелепости и чуждости.

Казалось бы, что этими наблюдениями вопрос о настоящих навязчивых явлениях при шизофрении разрешен в положительном смысле. И тем не менее, такой авторитетный исследователь как Бумке⁵⁴ еще совсем недавно высказал ту мысль, что, возможно, у шизофреников и не бывает настоящих навязчивых явлений, и что это — только стереотипии, поразительно в отдельных случаях имитирующие как своей формой, так и отношением к ним со стороны больных картину проявлений настоящей навязчивости. Таким образом, Бумке, возвращаясь к тому, что еще за 30 лет до него приблизительно в том же виде было высказано Сербским, оставляет вопрос о возможности настоящих навязчивых явлений при шизофрении совершенно от-

⁵¹ Lehrbuch der Psychiatrie. 4 Aufl. 1923.

⁵² Pascal, C. La demence precocce. 1911.

⁵³ Hasche-Klunder. Konnen Zwangsvorstellungen in Walmideen ubergehen. Ztschr. f. d. ges. Neur. u. Psych. Bd. 1. 1910.

⁵⁴ Bumke, O. Die Diagnose der Geisteskrankheiten. 1919.

крытым. Правда, несколько позже Курт Шнайдер⁵⁵ высказался за разрешение того же самого вопроса в положительном смысле; но здесь необходимо отметить, что для доказательства правоты своего взгляда он ссылается на наблюдения Hasche-Klunder'a и Шварца, которые были опубликованы за несколько лет до Бумке, и которые вряд ли могли остаться неизвестными последнему.

Из только что приведенного обзора литературы видно, как мало, несмотря на почти 35-летнюю давность, продвинулся вперед по пути своего разрешения вопрос о навязчивых явлениях при шизофрении. Частота возникновения этих феноменов расценивается отдельными авторами также далеко не одинаково. Старые авторы указывают на исключительность их выявления, в то время как новые считают их далеко не редкими. Это разногласие объясняется, конечно, углублением наших познаний в области шизофренических процессов и связанным с ним уточнением диагностики за последнее время.

Обратимся теперь к рассмотрению наших случаев и попытаемся на них, сколько это нам удастся, подойти к разрешению интересующего нас вопроса; из имеющихся в нашем распоряжении 10 клинически прослеженных случаев мы остановились на четырех таких, в которых наблюдались ясно выраженные навязчивые явления в смысле Вестфала,

⁵⁵ Schneider, K. Die psychopathischen Persönlichkeiten. Aschaffenburgs Handbueh. 1923.

т. е. с полным сознанием их болезненности и чуждости.

Случай I. Больной М., 30 лет, русский, бывший офицер, холостой, поступил в клинику 4 декабря 1922 года, выписался 19 февраля 1923 года. Клинический диагноз – Шизофрения.

Отец – холодный резонер, очень деспотичный. Мать умерла от легочного тbc, отличалась мнительностью. Дед по отцу заболел в преклонном возрасте психически, умер душевно-больным. Дед по матери был очень мнительным. Бабка по матери имела сварливый, неуживчивый характер. Старший дядя по отцу пил запоями. Тетка по отцу заболела в преклонном возрасте психически, умерла в психиатрической больнице. Другая тетка по отцу страдала эпилепсией. Младший дядя по отцу подозрительный, мнительный. Тетка по матери перенесла в молодости шизофренический процесс.

Сам больной отличался постоянно замкнутостью и нерешительностью; особых интересов никогда ни к чему не проявлял, оставался всегда поразительно безучастным к чужому горю. Каких-либо навязчивых явлений до начала заболевания не обнаруживал. Ученье давалось нетрудно, окончил в 18-летнем возрасте гимназию с серебряной медалью. По окончании гимназии долго колебался в выборе факультета, затем поступил на естественное отделение, откуда скоро перевелся на математическое, где и оставался в течение 8 лет, до призыва на военную службу. Занимался в универ-

ситете удовлетворительно, хотя и не интересовался совершенно преподаваемыми там науками. С 21 года и до самого последнего времени – на военной службе, занимает все время тыловые должности, проявляет большую изворотливость в деле освобождения от фронта, с возложенными на него обязанностями справляется вполне успешно. В 26 лет переносит гонорею. Настоящее заболевание начало развиваться с 10-х чисел мая 1922 г. Его развитию предшествовали несколько приступов малярии, от которой больной упорно лечился. Сделался тоскливым и тревожным; стал жаловаться на неприятные ощущения в области позвоночника и сердца; появилась не отмечавшаяся раньше болтливость – всем подробно рассказывал о своем болезненном состоянии, считал, что вызвано оно отравлением, хинином, которым он лечился от малярии, начал высказывать различные фобии – страх сойти с ума, боязнь полового бессилия, страх закрытых помещений и вместе с тем боязнь открытых пространств, страх, что не узнает знакомых мест, сделался раздражительным, постоянно ссорился с отцом, появились истероидные припадки; говорил, что потерял самого себя, что мир как-то отошел от него; сделался чрезвычайно внушаемым – под влиянием бесед с окружающими стал считать за причину своего страдания сначала плохо леченную гонорею, затем мастурбацию, которой он предавался в детстве, и, наконец, якобы имевшийся у него легочный тбс. Дважды поступал в военный санаторий и каждый раз не получал от пре-

бывания там никакого облегчения. 4 декабря 1922 г. больной поступил в клинику. За время пребывания в клинике удалось установить следующее: больной с ясным сознанием, охотно каждый раз беседует с врачом, много резонерствует; эмоционально туп; большую часть дня проводит в постели, отказывается от работы, так как боится, что она повредит ходу его выздоровления; круг интересов представляется крайне суженным – все мысли сосредоточены исключительно около заболевания; жалуется на то, что поглупел, что мозг сделался каким-то деревянным, что психика распалась на несколько частей, что он уже больше не в состоянии управлять ею, и что нет ни к чему интереса. Фобии, отмечавшиеся в начале заболевания, постепенно бледнели и приблизительно за месяц до поступления в клинику совершенно оставили его. Больной рассказывает о них с должной критикой, считает их несомненно болезненными. Каких-либо галлюцинаций и бредовых идей не отмечается. Тип сложения атлетический. Жалобы на ощущение физической разбитости, зябкость и боли в пояснице. Частые поллюции в кошмарные сны. Реакция Абдершальдена в крови дала положительные результаты с щитовидной и с половыми железами. В остальном соматически здоров. Прделан курс инъекций молока (15 инъекций). К концу своего пребывания в клинике больной сделался несколько живее, довольно много работал в переплетной мастерской. Выписался 19 февраля 1923 г. с некоторым улучшением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.